

УДК 811.161.1' 373.42

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЧУВСТВ И
ЭМОЦИЙ**

Л.Н. Коберник

Томский политехнический университет

E-mail: caries2004@bk.ru

Коберник Любовь Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: caries2004@bk.ru
Область научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, языковая картина мира, метафорология, диалектология, языковая репрезентация чувств и эмоций.

Осуществлен анализ метафорических выражений, репрезентирующих эмоциональную сферу человека, как когнитивных метафорических моделей и реконструкция фрагмента языковой картины мира, объективированной в русских говорах Среднего Приобья.

Ключевые слова:

Когнитивная лингвистика, семантика, языковая картина мира, концептология, метафорическое моделирование,

языковая репрезентация чувств и эмоций, эмоциональная ситуация.

В современных лингвистических исследованиях язык рассматривается как неотъемлемая органическая часть человеческого сознания, культуры, жизни, человеческого духа. Язык встраивается в систему других когнитивных механизмов человека, исследователи стремятся выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности и, являясь средством концептуализации этой реальности, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие «сквозь призму языка» (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Е. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Г.И. Кустова, Н.А. Мишанкина, В.И. Постовалова, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова и др.). Языковые структуры рассматриваются сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

Эмоциональный опыт, как и любые знания о мире, способен накапливаться, храниться, кодироваться и адекватно восприниматься окружающими, реализуя родовой и видовой опыт реагирования на различные ситуации. Эмоции сами по себе не являются языковыми феноменами, но их значимость обуславливает существование «языка эмоций», служащего для отражения внутреннего мира человека: «...обычный язык, который мы используем, когда говорим об эмоциях, может быть важным инструментом для обнаружения структуры и содержания наших эмоциональных концептов. <...> язык может многое сказать относительно нашего эмоционального опыта» [1. С. 351].

Изучение «языка эмоций» является одним из подходов к постижению эмоций как сущностей психологической сферы: «...без изучения "языковой картины" эмоций наши представления о них были бы неизмеримо беднее, если вообще возможны» [2. С. 5–6]. Как отмечают исследователи, по своей надежности данные языка никак не уступают данным психологических исследований, и «хотелось бы надеяться, что и лингвистические результаты изучения эмоций будут небезынтересны для представителей других дисциплин» [3. С. 9].

Специфичны способы языковой репрезентации чувств и эмоций: эмоциональные состояния не могут быть представлены в языке посредством прямой номинации и обозначены преимущественно единицами вторичной номинации, в основе обозначения эмоций лежит переосмысление реальных (физических и практических) действий и процессов и перенос конкретных наименований в область психической деятельности человека. «Языковые средства выра-

жения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то» [4. С. 387], что актуализирует обращение исследователя к «метафорам эмоций».

Изучение метафорических выражений, в которых репрезентируется эмоциональная сфера, представляет особый интерес: их анализ «обнажает» лингво-когнитивный механизм деятельности человеческого сознания, «наблюдения над метафорическими описаниями обнаруживают существование скрытых связей между различными феноменами мира, открывают для человека новые знания об окружающей его действительности, его внутреннем мире» [5. С. 20].

Мы предполагаем, что в сознании человека эмоциональные состояния существуют как образные представления в виде определенных когнитивных схем, репрезентирующих базовые эмоциональные ситуации. Когда человек описывает свои переживания или переживания третьих лиц, образные когнитивные сценарии эмоций активизируются и реализуются в метафорических словах и выражениях. Лингвистический анализ метафорических выражений, описывающих эмоциональные ситуации, позволяет выявить совокупность представлений о чувствах и эмоциях и реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный с чувствами и эмоциями.

Своеобразие миромоделирующей функции метафорических номинаций определяется особенностями их семантической структуры, свойством смысловой двуплановости, соотносительностью исходного и результативного образов в целостной метафорической номинации. «Исходное и результативное значения выступают в качестве своеобразных призм, фокусирующих смыслы друг друга. Основания метафорических уподоблений (база метафоры, исходное мотивирующее значение), образуя некоторую систему призм, через которую интерпретируется именуемый фрагмент действительности, выявляют набор ментальных конструктов, фрагменты ментально-языкового поля данной культуры, особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления» [6. С. 167].

Исходное значение слова, которое является источником метафорических значений и концептуализирует некоторую внеязыковую реальность, «предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» [7. С. 201]. В свою очередь, такие ментальные схемы возможны благодаря существованию в нашем сознании прототипических ситуаций как наиболее освоенных, «обиходных» ситуаций и объектов жизнедеятельности человека. Предполагаем, что эмоциональная память и опыт реагирования на различные ситуации также существуют в виде прототипических эмоциональных ситуаций. «Эмоция – это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности. Эта референция регулируется знанием-рецептом, т. е. видовым когнитивным опытом конкретного этноса, и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-рецептом)» [8. С. 310].

Наше внимание обращено на процесс метафоризации, направленный на выявление типичных метафорических представлений о чувствах и эмоциях, регулярный характер которых позволяет говорить о когнитивных метафорических моделях эмоциональных состояний (далее – ЭС).

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафора понимается нами достаточно широко: как когнитивный феномен – один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. В качестве метафорической рассматривается любая языковая структура, «обозначающая некоторый класс предметов, явлений и т. п.» и «используемая «для характеристики или наименования другого класса объектов» [9]. В сферу исследования вовлекаются метафорические лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) – поразить ('удивить'), шевелить ('тревожить'), трястись ('бояться'); метонимические ЛСВ – шуметь ('веселиться'); морфологические дериваты, имеющие метафорическую внутреннюю форму, – вспетужиться ('внезапно прийти в раздражение, стать задиристым, как петух'), скрыситься

(в раздражении начать бранить, обвинять в чем-л.). В сферу анализа также включаются устойчивые выражения, обладающие метафорической внутренней формой, и выражения, исходное значение которых складывается из прямых значений составляющих их лексем: напимать горя ('испытать душевные страдания'), сердце плачет ('кто-л. испытывает душевное сострадание, чувство тоски'), ударила тоска ('сильно затосковать').

Наше внимание обращено на процесс метафоризации, результатом исследования которого является выявление типичных метафорических представлений о чувствах и эмоциях. Регулярный характер метафор с семантикой ЭС позволяет говорить о когнитивных метафорических моделях.

Под метафорической моделью нами понимается ментальная схема уподобления явлений одной понятийной сферы объектам, ситуациям других понятийных сфер человека, отражаемая на языковом уровне как взаимодействие типа исходной семантики, типа результативной семантики и метафорического основания, реализованное в лексических и лексико-фразеологических единицах.

В статье предпринята попытка описания системы метафорических представлений о чувствах и эмоциях на основе анализа переосмысления целостной эмоциональной ситуации, включающей в себя «фазы» каузации, пребывания в ЭС, проявлений, в составе каждой из которых, в свою очередь, находит отражение обозначение конститuentов ситуации (субъект каузации, причина состояния, собственно ЭС, объект состояния, поведенческие и звуковые проявления эмоций).

Объектом исследования является метафорический фонд лексической системы среднерусских говоров.

Обращение к диалектному материалу обусловлено представлением о нецелостности языковой картины мира, ее варьировании в пределах одного языка: «не менее глубоки различия, сосуществующие в рамках одного языка и находящие свое отражение в семантике языковых единиц, используемых в подъязыках, обслуживающих соответствующие системы» [10. С. 15]. Народные представления о чувствах и эмоциях позволяют достаточно глубоко и обоснованно проникнуть в структуру эмоциональной сферы, концептуализированной в метафорических выражениях.

Исследование построено на основе материала, извлеченного методом сплошной выборки из следующих источников: 1) Вершининский словарь (Т. 1–7; 1998–2002); 2) Полный словарь сибирского говора (Т. 1–4; 1992–1995); 3) Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья (1977); 4) Словарь образных слов и выражений народных говоров (1997; 2001); 5) Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья (Т. 1, 1982; Т. 2; 1983); 6) Словарь старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» и дополнения к нему (1964–1986). Для анализа также использовались данные картотек, хранящихся на кафедре русского языка Томского Государственного Университета.

В качестве дополнительных источников привлекались следующие материалы: 1) Словарь русских народных говоров (Вып. 1–34, 1999); 2) Словарь русских говоров Сибири (Т. 1, 2; 1965–1999); 3) материалы, представленные в монографиях Е.В. Иванцовой [11] и Т.А. Демешкиной [12].

Объем материала составляет около 500 лексических и лексико-фразеологических единиц, в метафорическом значении обозначающих сферу чувств и эмоций, всего было проанализировано около 1300 контекстов.

Единицей анализа выступает многозначное слово или устойчивое выражение с метафорическим значением, в котором репрезентируется эмоциональная сфера человека.

Изучение вербализованных представлений об эмоциональной сфере человека как фрагмента этнического варианта русской языковой картины мира через призму метафорического моделирования является логическим продолжением и развитием исследований предшествующего периода и позволяет реконструировать когнитивные метафорические модели чувств и эмоций в языковой системе русских говоров Среднего Приобья.

В диалектном лексиконе «конкретная лексика преобладает над абстрактной» [11. С. 48], но изучение языковых средств с семантикой абстрактной сферы представляет не меньший интерес для исследователя.

Традиционно семантическое описание имен эмоций рассматривается в двух аспектах: смысловом и метафорическом [3. С. 27–30]. В русле смыслового подхода языковое обозначение чувств и эмоций описывается через прототипические ситуации, в которых они возникают. Например, «слова *anger* и *angry* (гнев – Л.К.) подразумевают следующий прототипический сценарий: некоторый человек (Y) нечто делает (Z), а другой человек (X) думает, что, делая это, Y делает нечто плохое; кроме того, X находит действие Y-а "неприемлемым" и ощущает импульс из-за этого "что-то сделать с Y-ом" (например, ударить или тряхнуть Y-а или сказать Y-у что-то "плохое")» [13. С. 515]. В основе данного подхода – положение о том, что «имеющиеся в нашем распоряжении термины для эмоций (типа *печаль* и *радость*) сокращенно обозначают ситуации, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые общераспространенные и заметные» [14. С. 337], а ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев.

Метафорический подход к семантическому описанию эмоций предопределен тем, что эмоциональные состояния как объект отражения в языке относятся к «невидимому миру» человеческой психики. В отличие от других внутренних состояний (например, ментальных), которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, дать толкование эмоциональным состояниям при определении очень непросто: «слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование» [1. С. 353]. В основе обозначений эмоций лежит переосмысление реальных (физических, практических) действий и процессов и перенос конкретных наименований в область психической деятельности человека. Исследователи рассматривают эмоциональные состояния через разнообразные метафоры: любовь – путешествие [4], пространственные метафоры [15], образы предметов и веществ, свойств стихий и сил природы, абстрактных имен и имен лиц как сферы-источника для метафоризации психической сферы [16] и др.

На современном этапе развития лингвистики эмоций признается правомерность корреляции смыслового и метафорического подходов, что позволяет полно и адекватно представить эмоциональную лексику: дать семантически мотивированное объяснение метафорических образов чувств и эмоций [1].

Метафоры чувств и эмоций изучаются в разных аспектах в пределах:

- 1) эмоциональной концептологии (С.Г. Воркачев, Н.В. Дорофеева, Н.А. Красавский, А.Б. Пеньковский, Ю.С. Степанов и др.);
- 2) исследований, направленных на изучение семантических процессов в языке и механизмов метафоризации (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.А. Васильева, Г.И. Кустова, Е.К. Лебедева и др.);
- 3) изучения текстовой и речевой эмотивности (Л.Г. Бабенко, С.В. ИONOва, Е.Ю. Мягкова, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский и др.).

Достаточно продуктивны исследования в области концептуализации чувств и эмоций. В поле зрения лингвистов находятся эмоциональные концепты, семантика слов, именующих эмоции, и под. Известно, что знания о мире в нашем сознании организованы в виде абстрактных ментальных единиц: фреймов (М. Минский), скриптов, сценариев (Р. Шенк, Р. Абельсон), ментальных моделей (М. Джонсон), моделей ситуаций (В. Кинч, Т. Ван Дейк), которые организованы вокруг некоторого концепта.

В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание/мышление, в пределах которого осуществляется процесс накопления, обобщения и конструирования знаний об эмоциональной жизни и языкового кодирования. Иными словами, происходит концептуализация чувств и эмоций, а слово, называющее или выражающее ту или иную эмоцию, концептуализированную и лексикализованную, «является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний *Homosentiens* о ней» [8. С. 307].

Значимым является то, что эмоциональные состояния концептуализируются, т. е. «хранятся» в сознании в виде определенных образных представлений-схем, «концептуальных структур», содержащих основную, типическую и потенциальную информацию, в качестве ко-

торых выступают «сценарии эмоций» и модели эмоциональных ситуаций, которые включают как имена эмоций, так и информацию об их атрибутах, ассоциации, образы, связанные с данной эмоцией [17. С. 117–118].

В качестве основного средства концептуализации чувств и эмоций выступают метафорические единицы, лингвистический анализ которых позволяет выявить «ментальные константы», типические представления о чувствах и эмоциях и реконструировать фрагмент картины мира чувств и эмоций, отраженный в народной культуре. Именно к концептуализированной сфере чувств и эмоций обращено наше внимание.

Современные исследования в когнитивной лингвистике направлены на выявление структур представления в языке знаний о мире. Между процессами в памяти человека и восприятием, построением и пониманием «языковых структур» существует непрерывная связь: «понимание новой для человека ситуации происходит на основе поиска в памяти знакомой ситуации, наиболее похожей на новую. Новые данные, которые появляются в процессе общественного развития, обрабатываются на основе уже существующего знания» [18. С. 109].

Опыт пребывания в ситуациях разнообразных ЭС хранится в сознании человека, активизируясь при переживании подобных чувств и эмоций; эмоциональная память – это оживление эмоциональных следов ранее пережитого человеком, перенос его эмоционального опыта из одной ситуации в другую [8].

Подобная «активизация ситуаций» обуславливает обращение исследователя при изучении семантики наименований чувств и эмоций к понятию эмоциональной ситуации: «поскольку эмоциональный опыт повторяется в некоторых ситуациях, которые становятся типичными, человек способен реагировать не только на те предметы и явления, которые появляются перед его взором в данный момент, но и на всю ситуацию в целом» [17. С. 119].

При определении «эмоциональной ситуации» можно обозначить разные аспекты этого явления.

На уровне внеязыковой представленности чувств и эмоций:

- эмоциогенная ситуация – событие или ситуация, обусловившая возникновение чувства или эмоции: Помер кто-нибудь – вот и горюешь (Верш.); Внук ёлочку ей поставит, вот теперь уедет. Так скука задавит (Верш.) и др.;
- эмоциональный сценарий – типизированная схема возникновения, развития, протекания и проявления ЭС (фазы «каузация ЭС» – «пребывание в ЭС» – «проявление ЭС»).

На уровне лексической репрезентации ЭС:

- лексикализованная ситуация – языковое отображение сценария возникновения (или одной фазы), развития и протекания ЭС, реализованное в лексических и лексико-фразеологических единицах;
- прототипическая ситуация как «описание некоторых событий, являющихся прототипами для возникновения определенных эмоций» [19. С. 43]. Прототипическая ситуация являет собой некий «фрагмент», типичное «представление» об эмоциональном состоянии: «...мы часто описываем друг другу эмоции при помощи прототипических ситуаций ("Я чувствовал себя, как чувствуют себя, когда...", "Я чувствовал себя так же, как кто-нибудь себя чувствовал бы, если..."). <...> имеющиеся в нашем распоряжении термины для эмоций (типа *печаль* и *радость*) сокращенно обозначают ситуации, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые общераспространенные и заметные» [14. С. 337].

В понятии «эмоциональная ситуация» находят отражение все вышеозначенные аспекты: сущность чувств и эмоций определяется тем, что они каузируются кем-либо или чем-либо, переживаются (испытываются) и находят выражение в некоторых проявлениях (поведенческих, звуковых, речевых). Эмоциогенная ситуация входит в эмоциональный сценарий как непосредственная составляющая. Подобный сценарий, типизированная когнитивная схема находит отражение в высказываниях, отображая процесс (фазу) возникновения, развития и протекания ЭС на лексическом уровне. Лингвистический анализ высказываний с семантикой чувств и эмоций позволяет выйти на прототипическую ситуацию, прототипическое представление о чувствах и эмоциях.

В данном исследовании эмоциональная ситуация рассматривается как тип прототипической ситуации, репрезентирующей представления о чувствах и эмоциях как некоторых типизированных событиях внеязыковой действительности с соответствующим набором компонентов – участников ситуации.

Как отмечалось, в сознании носителей языка существуют образы базовых ЭС в виде когнитивных структур, отображающих сценарий их возникновения, развития и протекания. «Фазы» эмоционального сценария отображают некоторые «процессуальные ситуации» со своим набором конститuentов и отношений между ними (каузация – субъект, причина; пребывание в ЭС – субъект, состояние, объект; проявление – поведенческие, звуковые выражения и под.).

Чтобы «вскрыть» смысловую структуру высказываний, описывающих чувства и эмоции, считаем необходимым обратиться к понятию пропозиции, которая понимается нами как логико-смысловая структура ситуации. Как известно, «события и ситуации имеют пропозитивную структуру» [20. С. 4]. Исследователи отмечают, что «для диалекта более характерным является представление пропозиции предикативным способом» [12. С. 124], что нашло подтверждение при анализе материала.

При лексической репрезентации чувств и эмоций чаще используются глаголы или отглагольные имена:

- 1) семантическая группа (далее – СГ) «тревога»: **наскрести** 'принести много беспокойства, тревоги, мучений, как бы собрав все неприятности вместе'. *Он шибко ей наскрёб, несамостоятельный (Верш.); поцарапаться* 'побеспокоиться'. *К празднику сена просила, он не поцарапался (Ишт.); трогать* 'нарушать чем-либо покой, причинять беспокойство, тревожить'. *Чтобы моих старух ешо трогали (Верш.); ♦ за сердце забирать* 'сильно, глубоко волновать, трогать'. *Сын <...> так спокойно, выдержано – сердце плачет – всё рассказывает стихотворение, а у баб слёзы градом, всё их за сердце забирал (Поб.)* и др.;
- 2) СГ «горе»: **выболеть** 'изболеться, исстрадаться'. *И она /дочь/ тоже рвётся ко мне. Всё сердце по маме выболело (Верш.); гнуть* 'подвергать жизненным испытаниям, как бы гибкая'. *Моего матаню гнуло, Гнуло и коверкало [частуш.] (Верш.); задавить* 'одолеть, замучить (о душевном состоянии)'. *Сидит и плачет, тоска задавила (Верш.); ♦ вынывать* (о сердце) 'о состоянии тоски'. *Ноет сердце, вынывает, в тоске пребывает (Верш.); ♦ киселя хлебать* 'долго и трудно жить'. *Ещё хватит киселя хлебать! Замуж выйдет – намычет горя (Шум.); ♦ напирать горя* 'испытать душевные страдания'. *Тожже напирала горя. С этим мужиком дак. Ну, изменял (Верш.)* и др.;
- 3) СГ «любовь»: **бегать** 'ухаживать'. *У меня Степан [муж] когда стал бегать за Машей, а мне одна женщина говорит: «Найди, говорит, – змеиный выползок» (Верш.); гоняться* 'ухаживать, добиваться любви'. *А девки цяс за парнями гонятся. А за одного парня девки дерутся (Верш.); изменница* 'о той, которая нарушила верность в любви, как бы предав любимого'. *Ты изменница моя, Меня изменила, Та такого подлеца Навек полюбила [из песни] (Верш.); крутень* 'о непостоянном, меняющем свои привязанности, симпатии человеке'. *Если он бегаёт туды-сюды между девками, сёдня – с тобой, завтра – с другой, то вот я и называю его крутень (Б. Яр); ♦ закрутить голову* 'увлечь, влюбить в себя'. *На заводе я работала, таскала кирпичи. Закрутили мою голову заводски трепачи [частуш.] (Верш.); ♦ водить за нос* 'обманывать, вводить в заблуждение'. *Одна девка все меня за нос водила (Верш.)* и др.;
- 4) СГ «раздражение»: **дребезжён** 'ворчливый человек, голос которого напоминает дребезжание'. *Такой человек нехороший, ворчливый, дребезжён (Б. Яр.); взъесться* 'в раздражении начать укорять, бранить'. *А вчера-то как на меня взъелась. Чтоб я ей купила картошки с песку (Верш.) ♦ баба-гром* 'о сварливой, скандальной женщине'. *А вредную скандальную женщину зовут баба-гром (Верш.)* и под.

Пропозитивная структура задается предикатом, который, в свою очередь, определяет фазы эмоциональной ситуации (каузация – пребывание – проявление): «значение динамического предиката – это кадр, выхваченный из киноленты жизни. Оно воспринимается на фоне сменяющихся ситуаций и в их контексте. Для него важен прежде всего объем введенной в поле зрения ситуации, т. е. степень отдаления объектива, дистанция, определяющая крупный или общий план.

Так, в кадр, репрезентируемый предикатом *ехать*, не входит ни отправной пункт, ни пункт назначения; в кадр, обозначаемый предикатом *приезжать*, должен войти пункт прибытия; в кадр, к которому может быть отнесен предикат *уезжать*, должен быть включен пункт отправления» [16. С. 43].

Продолжая эту идею, отметим, что вся «кинолента» в нашем случае – это метафорическое представление о внеязыковой эмоциональной ситуации. Основными предикатами, обозначающими границы «кадра», в нашей работе являются: «каузировать» ЭС, «пребывать» в ЭС, «проявлять» ЭС.

В соответствии со структурой типичного эмоционального сценария в пределах семантического поля «Чувства и эмоции» мы выделяем три пропозиции: каузации, состояния и проявления, в каждой из которых эксплицируется «свой» набор актантов. Например, при каузации ЭС – это каузирующий субъект, причина ЭС и отношения каузации, при нахождении в ЭС – субъект ЭС, собственно ЭС и объект чувства и т. д.

Этапы, фазы эмоционального сценария именуются набором лексем, объединяемых в семантические подгруппы (СПГ), выделяемых в составе каждой семантической группы (СГ «горе»: СПГ «каузация», СПГ «состояние (пребывание)», СПГ «проявление»; СГ «радость»: СПГ «каузация», СПГ «состояние (пребывание)», СПГ «проявление» и т. д.). СПГ представляют собой языковую экспликацию «фаз» эмоционального сценария с определенным набором конstituентов.

Метафорические наименования чувств и эмоций рассматриваются нами как смысловая проекция элементов исходной ситуации, уподобляемой одному из этапов возникновения и протекания ЭС. Координирующим звеном при «сдвоенном» видении результативной ситуации (эмоциональная сфера) сквозь призму исходной ситуации (другие предметные области) является типичный эмоциональный сценарий ЭС и пропозитивная структура его фаз, что позволяет целостно описать эмоциональную ситуацию.

В работе рассматривается семантический механизм уподобления именованных чувств и эмоций (результативная семантика) разным объектам на основе аналогий, сходства предметов и явлений, относящихся к разным родам (исходная семантика). Метафорическое переосмысление осуществляется как процесс координации ситуаций, реализующийся посредством «наложения», проекции результативной и исходной ситуаций.

Конstituенты «эмоционального сценария» (результативная ситуация) переосмысляются в образах ситуации исходной семантики. Это могут быть ситуации физического деструктивного воздействия (бить, хлестать, подшибить, фуговать, брить и под.), качественных состояний (таять, окаменеть, меркатить и под.) и т. д.

Взбередить – результативное значение: встревожить, взволновать. *Ой, не вспоминай, взбередишь сердце только (Верш.).* Исходное значение: причинить боль прикосновением к чему-либо. *Взбередил ты у меня ногу-то (Верш.).*

Структура анализа в работе ориентирована на анализ «событийных» ситуаций, обозначенных предикативными центрами (каузировать, пребывать, проявлять). Данные предикаты организуют и соответствующие конstituенты ситуации, вследствие чего анализу подвергаются фрагменты, обозначающие лексикализованные ситуации каузации, пребывания и проявления эмоциональных состояний, реализованные в метафорических высказываниях: каузировать ЭС (сокрушить 'повергнуть в печаль, уныние'; шевелить 'беспокоить, тревожить'; раскочегарить 'развеселить' и под.), пребывать в ЭС (меркатить 'тосковать'; плакать 'горевать'; помирать 'тосковать' и под.), проявлять ЭС (рёвущком реветь, выть, кисляниться, хлопать, гоготать и под.).

Лексическая репрезентация сферы чувств и эмоций представлена в русских говорах Среднего Приобья неоднородно. Наиболее ёмко представлены номинанты эмоциональных состояний СГ «раздражение», «любовь» и «горе». Менее репрезентированы СГ «радость» и «гордость». Лексическое обозначение СГ «тревога», «страх» и «удивление» характеризуется наименьшим количеством номинантов и метафорических интерпретаций. Подобное наблюдение позволяет говорить о степени наибольшей актуальности для представителей народной культуры чувств и эмоций, обозначенных лексическими репрезентантами СГ «горе», «любовь», «раздражение».

Анализ текстов, включающих метафорические описания различных ЭС, показал, что внутренний мир воспринимается как составляющая часть жизни, неотъемлемый компонент существования человека в мире. Прослеживается глубокая корреляция между внутренним миром и «физической», внешней, бытовой жизнью человека. В метафорической интерпретации эмоциональной сферы человека находят отражение отношения между людьми, отношения человека с природой, физиологические состояния, физическая деятельность, отношения с животным миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Шаронов И.А. Эмоции в нашей жизни и в лингвистике // в кн.: Эмоции в языке и речи: Сб. науч. ст. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – С. 5–6.
3. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // в кн.: Теория метафоры. – М.: Изд-во Прогресс, 1990. – С. 387–416.
5. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных конспектов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2001. – 38 с.
6. Резанова З.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // в кн.: Языковая ситуация в России начала XXI века. – Кемерово, 2002. – Т. 2. – С. 120–137.
7. Кустова Г.И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 16–35.
8. Шаховский В.И. Эмоции и когнития: концептуализация и лексикализация эмоций (вопросы теории) // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Матер. Междунар. симпозиума. – Ч. 1. Научные статьи. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2003. – С. 305–312.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.
10. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 493 с.
11. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 312 с.
12. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – 190 с.
13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
14. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
15. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / прагматика; семантика; лексикография; вид, время, лицо, модальность. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
17. Ионова С.В. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология. Журналистика. – 2000. – Вып. 5. – С. 116–121.
18. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – 497 с.
19. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38–56.
20. Лебедева Н.Б. Глагольная семантика как полиситуативная динамическая структура // Вестник Барнаульского педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 2. – С. 4–8.

Поступила 09.02.2012 г.